

АВСТРАЛИЯ

РУССКАЯ
ЛЕТОПИСЬ

38

2004

СИДНЕЙ

ЯНВАРЬ

Из новозеландского архива

Дождливым августовским днём я прилетела в Веллингтон для участия в международной конференции по татуировке в Полинезии. Здесь мне предстояло рассказать о неизвестных материалах первой русской кругосветной экспедиции Крузенштерна и Лисянского, которая во время стоянки у острова Нуку-Хива (Маркизские о-ва) в 1804 г. собрала уникальный этнографический материал и привезла в Европу изображения удивительных нукухивцев, татуированных с ног до головы. До начала конференции было ещё полдня и я поспешила в национальный архив Новой Зеландии.

Архив расположен в современном здании, но после Национального архива Австралии, где любой документ можно найти и получить не отходя от компьютера, новозеландский архив напомнил мне старые добрые времена. Здесь инвентарные описи документов по каждому предмету хранятся в картонных коробках в виде машинописных списков и без помощи многочисленных архивистов исследователь далеко не продвинется. Мои поиски нескольких русских анзаков, поселившихся в Новой Зеландии, привели меня к одной из таких коробок, где хранился алфавитный машинописный список всех лиц, натурализовавшихся в Новой Зеландии в XIX – первой половине XX века с указанием места рождения. У меня было всего несколько часов, чтобы сделать из него беглые выписки, но даже та краткая информация, что содержалась в нём, поражает воображение. Передо мной прошли сотни имён россиян, которые связали свою судьбу с Новой Зеландией. Здесь, как и в Австралии, преобладали евреи, финны, уроженцы Прибалтийских губерний, но было около сотни этнических русских, истории которых ещё ждут своего исследования. Надо оговориться, что это, конечно, далеко не все русские, жившие в Новой Зеландии до второй мировой войны, а только те, что довели дело натурализации до конца.

Этнические русские были среди самых первых поселенцев. Например Джон Андерсон, известный под именем Джон Эндрю (читай Иван Андреевич) Золотаревский, уроженец Смоленска, натурализовался в 1845 году (!), в то время он работал пильщиком в Акароа. Тимофей Михайлов, корабельный плотник из Твери, натурализовался в Оруахаро в 1880 г., парикмахер Иван Яковлевич Черниговский из Елизаветграда - в Веллингтоне в 1893 г., учитель Чарльз Молво из Архангельска – там же в 1896 г., рабочий Александр Иосифович Соболев из Козельска – в Пареморему Крик в 1898 г. Эти ранние поселенцы, особенно моряки, часто меняли имена. Например, моряк Ральф Харди (он же Джон Вахрамеев) из Москвы натурализовался в Окленде в 1911 г., моряк Уильям Кромар (1890) и рабочий Феликс Ньюфилд из Петербурга (1905) тоже, возможно, англизировали свои имена.

Более массовый характер иммиграция приобрела накануне первой мировой войны (тогда же и в Австралию хлынул поток русских с Дальнего Востока). Среди поселенцев этой волны были садовник Нестор Калашников из Бобринска (натурализовался в 1912 г.), фермер Алекс Мигонов (Мигунов?) из Сибири (1914), «учитель искусств и ремёсел» Владимир Евгеньевич Писаренко из Елизаветполя (вероятно в Закавказье) (1913), инженер из Киева Уильям (Владимир?) Вышемирский (1908). К иммигрантам, натурализовавшимся в 1920-х годах, принадлежали фермер Михаил Арапов, плотник Пётр Артемьев из Киева, фермер Константин Бончевский из Самары, рабочий Константин Докукин из Мценска, шахтёр Фред Фесюков из Глухова на Украине, строитель Семён Иван Грин (фамилия его явно подверглась трансформации) из Ростова-на-Дону, фермер и пчеловод Василий Яковлевич Груднов с большой семьёй из Крапивина, моряк Дмитрий Курдоский из Москвы, татарин Султан Сарлыбаев из Оренбурга, работавший на ферме в Форделле.

В конце 1920-х - 1930-х годах к предвоенным иммигрантам прибавились и «белые русские», покинувшие Россию в результате революции и гражданской войны. Среди натурализовавшихся в это время – Александр Баранов из Симбирска, Ксенофонт (в английском варианте имя его было записано как Xenophone) Богатырёв с семьёй из Сибири, Джон Голубцов из Перми, Еремей Вениаминович Гарвич из Баргузина (фотограф), Павел Харитонов из Ижевска, Дмитрий Козинов из Калуги, Тимофей Купранов из Самары, Борис Семенович Мерлин из Москвы, Николай Константинович Миненков из Никольска-Уссурийского (радист) и Владимир Миненков из Новочеркаска, Виктор Никонец (известный под именем Хейде) из-под Одессы, Борис Орлов из Самары, Фёдор Иванович Пихалов с женой из Сретенска, Дмитриий Шаров

семьей из Красноярска, Андрей Требукин из Кременчуга, токарь Василий Ушаков из Мотовилихи, Дмитрий Никитич Зотов с большой семьей из Сибири. Можно упомянуть ещё «учительницу языков» Марию Тарбаеву, родившуюся в 1876 г. в Петербурге и натурализовавшуюся в Веллингтоне в 1936 г., и Николая Данилова, учителя и преподавателя университета, родившегося в Усть-Двинске в 1896 г. и натурализовавшегося в 1946 г., и семью фермера Павла Жеребина из Петербурга, путь которого в Новую Зеландию пролёг через Чехию (они натурализовались в Танговахине в 1948 г.)

За каждой из этих фамилий – история жизни, полной приключений и испытаний. Например, братья Василий и Михаил Дорофеевы из Москвы работали в железнодорожных мастерских в Чите, а в 1912 приехали в Австралию (здесь их фамилию исковеркали как Дорофаев). В Австралии младший, Михаил, вступил в армию, но Василий сообщил властям, что тот ещё не достиг призывного возраста и добился его исключения из армии (так я с ними и познакомилась). Как выяснилось, вскоре после этого Василий отправился в Новую Зеландию. Здесь он обзавёлся семьей, но так и не смог забыть свою родину. И вот в 1936 году он совершает отчаянный шаг – распродав всё своё имущество он с женой-новозеландкой и пятью детьми отправился в Лондон, чтобы вернуться в Россию. В Лондоне советское консульство встретило его в штывы, заявив, что он не имеет права на въезд в Россию (по крайней мере такую версию он изложил новозеландским властям), и им пришлось вернуться в Новую Зеландию. Только тогда Василий решил натурализоваться. В отличие от Австралии, где дела о натурализации власти рассматривали зачастую довольно бегло, у новозеландских полицейских времени было предостаточно и каждое дело о натурализации включало множество дополнительной информации, в том числе отчёты о беседах полицейского с соседями кандидата на натурализацию. Соседи Василия, хоть и сообщили, что он с гордостью говорил об успехах Советского Союза, убедили полицейского, что это было вызвано его любовью к родине, а не симпатией к коммунизму, и Дорофаевых в конце-концов натурализовали.

Но самой неожиданной моей находкой в новозеландском архиве были новые сведения о семье Даниель. В моей книге «Мой темнокожий брат, история Ильиных, русско-аборигенской семьи» (*My Dark Brother, the Story of the Illins, a Russian-Aboriginal Family*), вышедшей в Австралии в 2000 г., есть глава «Нерассказанная история любви». Ещё до того, как мой герой Леандро Ильин женился на аборигенке Китти и стал патриархом династии русских аборигенов в Северном Квинсленде, он полюбил девушку, с семьей которой Ильины вместе приехали в Австралию в 1910 г. на корабле «Омра». Узнала я об этой любви из письма на русском языке, датированного 3 октября 1910 г., которое дали мне аборигены, хранившие его все эти годы.

«Ленушка, - писала неизвестная девушка из Брисбена, называя так Леандро, - если б ты знал, как стало скверно с тех пор как ты уехал! Во-первых – ужасная тоска, а во вторых – целая история: вчера вечером мы были у пастора (он нас звал), мама, говоря о том, какую я могу [делать] работу, сказала, что я могу преподавать французский в школе. Ты понимаешь, Лена, какая это нелепость?! Когда мы шли домой, я маме на это возразила, что не считаю себя достаточно сильной и не могу идти на скандал, чтобы меня выгнали и потом уже больше не принимали никуда. Она рассердилась, начались обычные возражения: если бы она училась в такой гимназии как я, да если бы ей нанимали гувернанток, так она даже не колебалась бы... etc, etc... Кончилось конечно тем, что мы поссорились и мама «во гневе» сказала, что ей решительно наплевать, куда бы я не уехала и не поступила. Это по крайней мере было сказано искренно! А я, Ленушка, если бы я хоть немного лучше говорила, я бы может и устроилась, а теперь просто не знаю, куда идти и что делать! Всю ночь об этом думала и так ничего почти и не решила.

Ты спрашиваешь, искренно ли я написала «до скорого свидания» - конечно да! Но только под условием – излечись от сумасшествия (иначе не могу назвать, т.к. любить меня нормальный человек не может). Лена, еще один вопрос – очень важный – напиши мне всю правду того, чего я боюсь (я не пишу слова, т.к. письмо может попасть в чьи-либо нежелательные руки); надеюсь ты меня понимаешь? Напиши правду и всё, т.к. узнать позже будет гораздо хуже. Я не угрожаю, Лена, а просто очень эгоистична и забочусь о себе, как не противна мне моя жизнь, а всё же думаю застрелиться не хватит... право не знаю чего – глупости или мужества. Куда деваться от тоски.

Лена, очень, очень прошу тебя, не заговаривай обо мне со своими, и даже наоборот, если кто-нибудь будет говорить обо мне – устранись от разговора и только, ради Бога, не защищай меня; пусть между собой они говорят обо мне, что им угодно, хуже правды все равно не скажут. До свидания, Лена. Пиши чаще. М»

М. – это было все, что оставила эта своевольная девушка для наших любопытных глаз. Я могла только предположить, что она была из другой русской семьи - «Мэри, Борис и Людмила Даниель» - прибывшей с Ильиными из Лондона в Брисбен 5 сентября 1910 г. Но никакой информации о них в австралийских архивах не обнаруживалось. К счастью, Николай Дмитриевский, брисбенский историк, хорошо известный читателям «Австралиады», вспомнил о заметке в журнале «Чужбина» (1930, № 5), выходившем в Брисбене. Заметка была посвящена памяти Евгения Васильевича Даниель, работавшего на постройке КВЖД. Упоминалась в ней и его жена Мария Степановна, и их дети-подростки сын Борис и «прелестная дочурка Молочка» (вероятно Милочка, Людмила). Еще в заметке говорилось, что разойдясь с мужем, Мария Степановна с детьми уехала то ли в Новую Зеландию, то ли в Австралию.

И вот я, наконец, открываю два дела о натурализации – Бориса и Мэри Степановны Даниель, урожденной Рудневой. «Мой муж покинул меня, - сообщает Мэри полицейскому, - и я решила уехать в Новую Зеландию, т.к. слышала, что это хорошее место». В Австралии, как выяснилось, Даниель провели всего несколько месяцев. Не сумев тут устроиться, в январе 1911 г. они приехали в Новую Зеландию и поселились в Крайстчёрче. Мила вышла здесь замуж и в 1920 г. умерла в Данедине. Кто стал её мужем и почему так трагически рано оборвалась её жизнь, остаётся пока неясным. Впрочем, думается, что в её письме Леандро так много сказано о ней самой, что подобный поворот в её судьбе вполне предсказуем. Борис поступил в колледж и стал инженером-электриком. Что касается Мэри, то она зарабатывала на жизнь, давая частные уроки рисования и изящного плетения, однако годы депрессии поставили её на грань нищеты, и она едва сводила концы с концами. Борис в 1935 г. жил с матерью по адресу 22 St Asaph Street и всё ещё не был женат. Как сложилась его жизнь? История только одной семьи, а сколько их было, заброшенных на край света бурями XX века...

Когда я выходила из архива, бушевал дождь с ветром, очень подстать моим мыслям. Доведётся ли мне ещё раз попасть туда и погрузиться в мир полицейских донесений, которые так много могут рассказать русскому сердцу?

*Поздравляем нашу многолетнюю и
любимую сотрудницу
Евгению Александровну Губину
С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ !*

75 лет тому назад в далёком Китае родилась хорошенькая и добрая девочка Женя – старшая из сестёр Жвалевских. И в течение всей своей дальнейшей жизни Женя всегда помогала людям, трудилась на благо ближнего.

Поселившись в 1962 году в Аделаиде, она стала там одной из ведущих общественных деятельниц: почти ни одно благотворительное мероприятие, будь это в прицерковной школе, в клубе пенсионеров или на балах, обедах, концертах в Русском Доме (РОЦ), не обходились без её участия! Узнав об издании журнала «Австралиада», Евгения Александровна стала распространять его в Аделаиде, присылая также в редакцию фотографии и материал о жизни русских в Аделаиде.

Мы поздравляем её супруга Василия Димитриевича Губина, её сестёр Лену, Лилию и Катю с семьями и племянницу Таню, недавно приехавшую в Австралию из России, с новорожденной! Дай Бог нашей Жене сил и здоровья в её благородной жизни!

От имени редакции Н.А.Мельникова

